
1

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

**В.В. Рожнова, канд. юрид. наук,
доцент, профессор кафедры**

Национальная академия внутренних дел

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ В НОВОМ УПК УКРАИНЫ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНОГО ПОНИМАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В статье исследуется эффективность определения основных понятий в новом УПК Украины, как фактор обеспечения единого понимания и применения уголовно-процессуальной формы, с точки зрения отдельных требований юридической (законодательной) техники.

Особенностью уголовного процесса как специфического вида деятельности соответствующих субъектов, которая отличает ее от других видов социально значимой деятельности, является детальная законодательная регламентация оснований и порядка ее совершения, то есть наличие особенной процессуальной формы. Соблюдение уголовно-процессуальной формы имеет основоположное значение, как в теории уголовного процесса, так и в правоприменительной практике. Это позволяет уяснить содержание основных институтов и положений уголовного производства, толковать уголовно-процессуальные нормы в соответствии с их истинным содержанием, обеспечивает единообразное и адекватное применение уголовного процессуального закона на практике, позволяет выявлять проблемы правоприменения и формулировать пути их устранения.

Соблюдение уголовно-процессуальной формы лежит в основе общеправового принципа законности, который в уголовном производстве, в первую очередь, проявляется в том, что суд, следственный судья, прокурор, руководитель органа досудебного расследования, следователь,

другие должностные лица органов государственной власти обязаны неукоснительно придерживаться требований Конституции Украины, Уголовного процессуального кодекса Украины (далее — УПК), международных договоров, ратифицированных Верховным Советом Украины, требований других актов законодательства (ч. 1 ст. 9 УПК).

Однако, с другой стороны, не уменьшая важности точного и безусловного соблюдения процессуальной формы как гарантии законности и обоснованности деятельности органов уголовного производства, необходимость ее соблюдения нельзя воспринимать как формализм, как соблюдение формы ради формы. Следовательно, уголовно-процессуальная форма, как и любая другая, лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания. Выражая содержание уголовного процесса и будучи способом его существования, процессуальная форма призвана служить оптимальной реализации задач уголовного производства [1, с. 14].

Важную роль в этом процессе играет общеправовой принцип верховенства права, который в уголовном производстве определяется в соответствии с Конституцией Украины, а также с учетом практики Европейского суда по правам человека и обязывает соответствующие органы и должностные лица при совершении уголовно-процессуальной деятельности учитывать то, что человек, его права и свободы признаны наивысшими ценностями, именно они определяют содержание и направленность деятельности государства (ст. 8 УПК).

Исходя из такого подхода и международно-правовых документов, выделяют такие обязательные элементы верховенства права: 1) законность, в том числе прозрачный, подотчетный и демократический процесс принятия законодательства; 2) правовая определенность; 3) запрет на произвол; 4) доступ к правосудию, который обеспечен независимыми и объективными судами; 5) соблюдение прав человека; 6) недискриминация и равенство перед законом [2, с. 18].

Таким образом, важным условием должной, надлежащей правоприменительной практики является единообразное понимание и применение уголовно-процессуальной формы, которые, в свою очередь, среди прочих факторов, обеспечиваются качеством уголовного процессуального закона, совершенством его законодательной техники.

К вопросам качества уголовного процессуального закона на разных этапах его становления и действия обращались многие ученые. Рассмотрение практически любого вопроса теории уголовного процесса, любой проблемы уголовно-процессуальной деятельности невозможно

представить без исследования соответствующих уголовных процессуальных норм. В последние годы проблема качества уголовного процессуального закона значительно актуализировалась, в том числе и в связи с реализацией Концепции реформирования уголовной юстиции Украины (была утверждена Указом Президента Украины от 8 апреля 2008 г. № 311/2008), и в частности с принятием нового УПК.

В течение последних десятилетий в достаточно широком спектре стали появляться исследования в области юридической лингвистики, законодательной техники. Особо следует отметить работы таких украинских авторов как Ж.А. Дзейко, С.Э. Зархина, О.В. Каплина, С.П. Кравченко, Т.В. Малярчук, Ю.Ф. Прадид, В.Я. Радецкая, В.И. Рындюк, Б.Р. Стецюк, З.А. Тростюк и др.

Принятие нового УПК в этом аспекте завершило одни и положило начало другим исследованиям. Новый закон во многом изменил наработанные десятилетиями и ставшие привычными догмы уголовного производства, ввел новые институты, понятия и термины. В связи с этим изучение проблем уголовно-процессуальных понятий, в частности определения их содержания, не может не занимать важное место в науке уголовного процесса, что в свою очередь, имеет первостепенное значение для правоприменительной практики, поскольку применение норм права обусловлено фактором понимания их содержания.

Целью этой статьи является установление эффективности определения основных понятий нового УПК, как фактора обеспечения единого понимания и применения уголовно-процессуальной формы, с точки зрения отдельных требований юридической (законодательной) техники.

Слова в правовых источниках выступают тем исходящим материалом, который является основой формирования правовой мысли, способом донесения правовых предписаний к субъектам правоприменения, формой передачи юридически значимой информации.

Основоположную роль и основную смысловую нагрузку в праве несут понятия и термины. Они фактически являются наивысшей степенью логического обобщения предметов и явлений. Понятие из ряда признаков определенного явления выбирает наиболее существенные, по которым можно судить обо всем явлении, при этом наличие этих признаков является достаточным для правильного понимания явления. Именно поэтому понятия и термины выступают практически наиболее важными составляющими нормативно-правового акта [3, с. 222]. Для их формирования необходимо использовать, в первую очередь, аде-

кватные слова. При этом следует учитывать системные связи как внутри самого понятия, термина, так и между несколькими понятиями, терминами, а также принимать во внимание общепринятые лексико-семантические нормы функционирования различных значений понятия, термина.

Уголовное процессуальное право наряду с общеупотребляемыми словами использует слова точного значения — термины, принципиальное отличие которых от слов общего значения состоит в том, что они обозначают сознательно созданный элемент социального знания [4, с. 28]. Отображение в термине специального знания требует особо тщательного похода к его определению. Такая задача, как правило, усложняется в условиях реформирования законодательства, изменения отдельных основоположных идей правового регулирования. Эти обстоятельства обуславливают необходимость уточнения лексического состава соответствующего законодательства.

Приемы формулирования правовых понятий и терминов в тексте нормативно-правовых актов могут быть различными: в виде характеристики-определения при первом упоминании; в скобках при первом упоминании; с помощью речевой связки “то есть”; в виде отдельного пункта, отдельной части статьи нормативно-правового акта; в виде самостоятельной статьи нормативно-правового акта; в виде ссылки или примечания.

Одним из наиболее распространенных в последнее время приемов юридической техники является закрепление наиболее важных, основных понятий и терминов в одной из первых статей нормативно-правового акта. В то же время такой способ является не совсем удобным для актов со значительным объемом понятий, которые нуждаются в определении. В таких случаях законодатель использует совокупность различных приемов: формулирует специальную статью, в которой дает определение основных понятий, а также приводит определения понятий, которые не вошли в эту статью, в других статьях нормативно-правового акта.

В новом УПК законодатель также использовал различные приемы определения правовых понятий и терминов. В ч. 1 ст. 3 УПК сформулировано определение 26 основных, по мнению законодателя, терминов кодекса, а ч. 2 этой же статьи содержит положение, которое указывает на определение других терминов, которые употребляются в кодексе, специальными нормами этого кодекса и других законов Украины.

Анализ содержания ч. 1 ст. 3 и других специальных норм УПК в части определения основных терминов в нем, с учетом основных

правил законодательного закрепления правовых понятий и терминов, разработанных теорией права, а также определенных стандартом ДСТУ 3966–2000 [3, с. 222–227; 5; 6; 7], дает основания для изложения ряда замечаний общего характера.

1. Прежде всего, следует поддержать экспертов Совета Европы, которые в своем заключении указали на нечеткость и повторяемость перечня основных понятий, которые к тому же в определенной своей части, являются не такими уж основными и необходимыми для отдельного определения [8]. Некоторые из тех определений, которые содержит эта статья, уже урегулированы другими законами (например, термины “прокурор”, “руководитель органа прокуратуры”, “несовершеннолетнее лицо”, “малолетнее лицо”) или же определяются далее, когда речь идет о конкретных институтах или видах производства (например, какой суд является судом апелляционной или кассационной инстанции). Кроме того, неужели настолько основными для уголовного процессуального законодательства являются понятия “закон Украины об уголовной ответственности”, “размер минимальной заработной платы”? Очевидно, что определение этих понятий является предметом правового регулирования других соответствующих отраслей права и в сфере уголовного процессуального права содержание этих понятий измениться не может.

2. Попытки разработчиков нового УПК определить широкий круг участников уголовного производства в пунктах 19, 25, 26 ч. 1 ст. 3 УПК, вследствие нарушения требования системности, привели к путанице и неточностям в самом тексте кодекса, а в итоге так и оставили открытым общий вопрос об участниках уголовного производства.

Так, в п. 19 ч. 1 ст. 3 УПК потерпевший, его представитель и законный представитель в случаях, установленных УПК, отнесены к стороне обвинения. В то же время, в п. 25, 26 ч. 1 ст. 3 УПК и в других статьях УПК потерпевший, его представитель и законный представитель упоминаются отдельно от сторон уголовного производства. Такая ситуация закономерно ставит вопрос о функции потерпевшего в уголовном процессе: какую же функцию все таки выполняет потерпевший, если не функцию обвинения? Разве перестает он быть заинтересованным участником уголовного производства, нуждающимся в механизмах защиты своего законного интереса, в случае, если производство является не частным, а публичным (а таковых значительное большинство)?

В п. 25 ч. 1 ст. 3 УПК речь идет об участниках уголовного производства, к которым закон относит стороны уголовного производства

(в том числе, следователя, руководителя органа расследования, прокурора) и других названных в нем лиц. Очевидно, что понятие “участники уголовного производства” должно быть наиболее широким по содержанию в сравнении с понятиями “стороны уголовного производства” и “участники судебного производства”.

Буквальное толкование определения понятия “участники уголовного производства”, которое закреплено в п. 25 ч. 1 ст. 3 УПК, свидетельствует о том, что перечень этих участников является исчерпывающим, а значит, не включает в себя суд, судью, следственного судью, оперативные подразделения, других уполномоченных лиц, уполномоченный (центральный) орган Украины, педагога, психолога и др. Наряду с этим, все другие нормы УПК, которые регламентируют уголовное производство предусматривают участие этих субъектов в уголовно-процессуальной деятельности. В частности, глава 3 УПК называется “Суд, стороны и другие участники уголовного производства”, а § 2 этой главы “Сторона обвинения” содержит статью об оперативных подразделениях.

Не совсем корректным следует признать также включение в определение понятия “участники судебного производства” (п. 26 ч. 1 ст. 3 УПК) общего понятия “стороны уголовного производства”, поскольку вряд ли можно признать непосредственными участниками судебного производства следователя, руководителя органа расследования, оперативные подразделения, подозреваемого.

3. Понятие “уголовное производство” по объему определения в п. 10 ч. 1 ст. 3 УПК является более узким, чем это вытекает из фактического содержания самого кодекса, который и регулирует порядок этого производства. Поскольку кроме досудебного расследования (в определении п. 5 ч. 1 ст. 3 УПК) и судебного производства (в определении п. 24 ч. 1 ст. 3 УПК) в содержание уголовного производства входят также восстановление материалов уголовного производства (раздел VII); исполнение судебных решений (раздел VIII); международное сотрудничество в процессе уголовного производства (раздел IX).

4. В отличие от термина “обвинение”, определенного в п. 13 ч. 1 ст. 3 УПК, в тексте кодекса, к сожалению, отсутствует определение термина “подозрение”. Хотя этот термин является исключительно специальным для уголовного процессуального закона и имеет важное правовое значение, поскольку, в соответствии с п. 14 ч. 1 ст. 3 УПК, именно с сообщения о подозрении начинается этап привлечения лица к уголовной ответственности.

5. В пунктах 3 и 13 ч. 1 ст. 3 УПК фактически одинаковые по содержанию термины определяются по-разному. Так, в п. 13 обвинение определено как утверждение о совершении конкретным лицом деяния, предусмотренного законом Украины об уголовной ответственности, выдвинутое в порядке, установленном УПК. А в п. 3 государственное обвинение (что при соотношении с понятием обвинения указывает не более, чем на субъекта такого утверждения) уже определяется как процессуальная деятельность прокурора, которая состоит в доказывании перед судом обвинения с целью обеспечения уголовной ответственности лица, которое совершило уголовное правонарушение.

Возникает вопрос: так все же обвинение — это утверждение или деятельность? К сожалению, закон не учел в этом случае теоретические разработки об использовании термина “обвинение” в материальном и процессуальном значениях. Очевидно, что, определяя обвинение, в частности государственное, как деятельность, необходимо было указывать на поддержание обвинения. Именно так формулируется соответствующая функция прокуратуры Украины в тексте Конституции Украины (ст. 121) и Закона Украины “О прокуратуре” (ст. 5).

Более того, если применить определение государственного обвинения, данное в п. 3 ч. 1 ст. 3 УПК, к соответствующему тексту других норм кодекса, то получится, например, что прокурор уполномочен “поддерживать процессуальную деятельность ...”, “отказываться от поддержания процессуальной деятельности ...”.

Вышеизложенные замечания не исчерпывают всех, на наш взгляд, проблемных вопросов, которые касаются определения основных понятий и терминов в новом УПК. Это свидетельствует о необходимости их переосмысления и нового формулирования с учетом реализации принципов понятийной определенности, системности, внутренней согласованности, соответствия критериям определения юридических понятий и терминов.

Список использованной литературы

1. *Рустамов Х.У.* Уголовный процесс. Формы: учебное пособие / Х.У. Рустамов. — М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. — 304 с.
2. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар: у 2 т. — Т. 1 / О.М. Бандурка, Є.М. Блажівський, Є.П. Бурдоль та ін.; за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, А.В. Портнова. — Х.: Право, 2012. — 768 с.
3. *Ткачук А.* Законодавча техніка: навчальний посібник / А. Ткачук. — К.: ІКЦ “Легальний статус”, 2011. — 268 с.
4. *Никитина С.Е.* Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / С.Е. Никитина // Отв. ред. Н.А. Слюсарева. — М.: Наука, 1987. — 144 с.

5. ДСТУ 3966–2000. Термінологія. Засади і правила розроблення стандартів на терміни та визначення понять. Держстандарт України. 2000 р.
6. *Дзейко Ж.О.* Законодавча техніка в Україні (теоретико-історичне дослідження): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. юрид. наук: спец. 12.00.01 / Ж.О. Дзейко. — К., 2011. — 39 с.
7. *Риндюк В.І.* Законодавча техніка: поняття, форми, види, реалізація в Україні: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 / В.І. Риндюк. — К., 2008. — 20 с.
8. Висновок експертів Ради Європи щодо проекту Кримінального процесуального кодексу України (Страсбург, 2 листопада 2011). — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.coe.kiev.ua/news/2012/01/Opinion%20on%20Draft%20CPC%20UA%20Ukr.pdf>

Резюме

У статті досліджується ефективність визначення основних термінів нового КПК, як фактору забезпечення єдиного розуміння та застосування кримінально-процесуальної форми, з точки зору окремих вимог юридичної (законодавчої) техніки.

Summary

In article efficiency of definition of the main concepts of the new Criminal Procedure Code of Ukraine, as a factor of ensuring uniform understanding and application of a criminal and procedural form, from the point of view of separate requirements of legal (legislative) equipment is investigated.

**О.О. Садченко, канд. юрид. наук,
доцент, професор кафедри**

*Навчально-науковий інститут підготовки слідчих і криміналістів
Національної академії внутрішніх справ*

ПОТРЕБИ СЛІДЧОЇ ПРАКТИКИ ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ ПРОБЛЕМ І ТЕНДЕНЦІЙ ЇЇ РОЗВИТКУ

У статті розглянуто роль потреб слідчої практики у визначенні проблем і тенденцій її розвитку, як своєрідного індикатора недоліків і невідповідностей у слідчій діяльності. Визначені обставини, які впливають на рівень відображення потреб. Досліджено фактори, що мають значення для формування потреб. Проаналізовано процес передачі інформації про виявлені потреби від дослідника до користувача.

Розслідування злочинів являє собою цілеспрямовану діяльність слідчого щодо з'ясування наявності чи відсутності фактів та обставин, які мають значення для кримінального провадження. Вона, як і інші види діяльності, потребує для успішного здійснення пізнання і врахування потреб у першу чергу їх об'єктивної обумовленості.